

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

Красноярский государственный педагогический университет
ул. Лебедевой, 89, Красноярск, 660049, Россия
E-mail: akimova@vzletka.kspu.ru

ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ КРАСНОЯРСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА *

В статье обобщаются результаты изучения позднего палеолита в зоне современного Красноярского водохранилища за 150 лет, предлагается новый взгляд на данный период истории региона с учетом многовариантности развития позднепалеолитических индустрий в различных палеоэкологических условиях. Здесь прослеживаются археологические памятники ранней стадии (усть-каракольская линия развития), средней – с индустрией мелких пластин (ранний этап тарачихской культуры) и поздней стадии, представляющей собой смешение разных направлений: отщеповой (афонтовская культура), крупнопластинчатой (кокоревская культура), мелкопластинчатой (поздний этап тарачихской культуры) и других, пока трудно диагностируемых вариантов индустрий. Археологическое многообразие подтверждается и антропологическими находками.

Ключевые слова: поздний палеолит, Средний Енисей, сартанское похолодание, археологические культуры, индустрия «мелких пластин», антропология.

В современном сибирском палеолитоведении сложилось устойчивое понятие «палеолит Среднего Енисея», под которым понимают палеолит территории от Минусинска до (и севернее) Красноярска. Однако большая часть этой территории приходится на долю Красноярского водохранилища со своей техногенной спецификой. В данной работе проанализированы итоги изучения позднего палеолита зоны Красноярского водохранилища, предложен новый подход к интерпретации данного периода истории региона с учетом многовариантности развития позднепалеолитических индустрий в различных палеоэкологических условиях. Актуальность темы связана как с проблемой увязывания конкретных материалов с теорией стадийного членения позднего палеолита Сибири, так и выявлением общих закономерностей распространения разновременных и разнокультурных памятников позднего палеолита в зонах строящихся водохранилищ.

История изучения енисейского палеолита стала почти хрестоматийной. Открытие первых стоянок в окрестностях Красноярска связано с именем И. Т. Савенкова. Это Ладейки (1883 г.) и Афонтова гора (1884 г.), позже Няша и несколько пунктов в районе с. Торгашино. В 1885 и 1904 гг. И. Т. Савенковым проводились разведки по Енисею от Красноярска до Минусинска, во время которых были открыты стоянки каменного века у сел Тесь, Батени, Анаш и у д. Лепешкиной, собрана большая коллекция остатков плейстоценовой фауны. В 1890 г. А. С. Еленев открыл и в 1891 г. провел раскопки Бирусинской стоянки.

Именно тогда, в конце XIX в., трудами, в первую очередь, И. Т. Савенкова начинает складываться представление о енисейском палеолите, как сочетании в одном комплексе черт, свойственных по западно-европейским стандартам памятникам как позднего, так и среднего и даже раннего палеолита. Основное внимание уделялось проблеме

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

специфики сибирского палеолита, воплощением которого казался палеолит Енисея. Основной источниковой базой являлись материалы Афонтовой горы [Астахов, 1999. С. 8–42].

В 1920-е гг. основные усилия красноярских исследователей (Г. П. Сосновский, Н. К. Ауэрбах, В. И. Громов) были сосредоточены на изучении палеолита окрестностей Красноярска [Сосновский, 1924; 1934. С. 246–304; Ауэрбах, 1930. С. 4–50]. Только в 1923 и 1925 гг. Г. П. Сосновский провел разведку и небольшие раскопки стоянок у д. Кокорево, а в 1926–1927 гг. Н. К. Ауэрбах и В. И. Громов – раскопки Бирюсинской стоянки [Сосновский, 1935; Ауэрбах, Громов, 1935].

В середине 1930-х гг. вышли обобщающие работы Г. П. Сосновского о енисейском и сибирском палеолите на основе общепризнанной теории стадиальности. Основным звеном являлись изменения окружающей среды, влекущие за собой и изменения в каменной и костяной индустрии. В палеолите Енисея Г. П. Сосновский выделял две заключительные стадии сибирского палеолита, относя к начальной стадии только материалы Мальты. По-прежнему Г. П. Сосновский использовал, в основном, материалы красноярских памятников: Афонтовой горы, Переселенческого пункта, Военного городка, Ладеек, но включал и группу у д. Кокорево: Забочку, Тележный, Кипирный и Каменный Лога (современные Кокорево I–IV) [Сосновский, 1934].

На протяжении последующих десятилетий уровень знаний о палеолите Енисея оставался на уровне 1930-х гг. Полевые исследования велись в крайне скромных масштабах. В 1948 г. разведку от Красноярска до Абакана предпринял Э. Р. Рыгдылон, он же провел раскопки Бирюсинской стоянки на площади 100 кв. м [1953]. Эти материалы так и остались неопубликованными. В конце 1950-х гг. началось форсированное строительство Красноярской ГЭС, стимулировавшее тем самым относительно большой размах археологических работ на Енисее. И тогда и сегодня не вызывал и не вызывает вопросов факт недостаточности принятых мер. Полноценное спасение древнейшего наследия требовало многократно большего количества квалифицированных рабочих рук и несоизмеримо большего времени.

Раскопки З. А. Абрамовой, проводившиеся во время строительства ГЭС, при всей легендарной масштабности физически не могли охватить даже часть известных позднепалеолитических объектов. Основные работы были сосредоточены в районах поселков Кокорево, Новоселово и Таштык. Единственным памятником в северной части будущего водохранилища была Бирюсинская стоянка, раскопанная Н. Н. Гуриной и Л. П. Хлобыстиным.

В 1960-е гг. в советском палеолитоведении начала распространяться концепция локально-культурного подхода к позднему палеолиту. Для Енисея этот методологический подход был применен З. А. Абрамовой, выделившей две параллельно развивающиеся археологические культуры: афонтовскую (Кокорево II, III, Таштык I и II и др.) и кокоревскую (Кокорево I, Новоселово I, II, Аешка и др.) с принципиальным различием в специфике основной заготовки и, соответственно, в морфологии и категорийном наборе каменного инвентаря [Абрамова, 1979а; 1979б]. Определенные различия прослеживались и в костяных орудиях, и в элементах структуры поселений (очаги). На протяжении долгого времени эта идея вызывала скептицизм у некоторых археологов, как правило, работавших за пределами Енисея. Постепенно, со смещением палеолита Енисея на периферию круга актуальных научных проблем, интерес к теме несколько притупился.

Одновременно с выделением афонтовской и кокоревской культур, уже в конце 1960-х – 1970-е гг., в зоне Красноярского водохранилища были открыты памятники другого типа, имевшие отдаленные черты сходства с Мальтой и Буретью в Прибайкалье, выражающиеся, в частности, в использовании небольших пластин и пластинчатых сколов с одно- и двухсторонней краевой ретушью. З. А. Абрамова предложила считать такие стоянки, как Тарачиха и Афанасьева гора (а также Ачинская стоянка на Чулыме) локальным вариантом мальтино-буретской археологической культуры и ввела термин «ангаро-чулымская культурная область», объединяющая сходные местонахождения Прибайкалья, Енисея и Чулыма [Абрамова, 1979б. С. 192–194; 1983].

Заполнение Красноярского водохранилища привело к прекращению финансирования и свертыванию археологических ис-

следований. В 1970–1980 гг. «точечные» работы на водохранилище велись одним отрядом Н. Ф. Лисицына [1997; 2000]. Только во второй половине 1980-х и в 1990-е гг. наблюдалась интенсификация исследований, но в рамках Куртаковского археологического района (Н. И. Дроздов, Е. В. Артемьев и др.) (см.: [Археология..., 1992. С. 48–109; Дроздов и др., 2000] и др.). Во многом это было связано с интересом к памятникам более раннего времени (Бережеково, Разлог, Усть-Ижкуль I, Каменный Лог, Верхний Камень и др.). При этом практически отсутствовала какая-либо стратегия изучения позднего палеолита, работы на позднепалеолитических стоянках (Усть-Ижкуль II, Абрашиха, Трифоновка, Сажены и др.) всегда велись «попутно» решению главной задачи – изучению раннего палеолита [Акимова и др., 1996; Томилова и др., 1999; Акимова, 2008]. Самым значимым объектом стала Каштанка I, датированная рубежом каргинского-сартанского времени и до сих пор остающаяся экзотом для енисейского палеолита [Археология..., 1992. С. 106–109; Стасюк, Томилова, 1997]. В 1998–2007 гг. велись стационарные работы в Дербинском заливе, где изучались объекты позднекаргинского-раннесартанского (Дербина IV, V, Усть-Малтат II, Покровка I, II и др.) и позднесартанского (Малтат, Конжул и др.) времени (см.: [Акимова, Стасюк, 2009; Акимова, 2010; Стасюк и др., 2002; Стасюк, Акимова, 2008; Харевиц, 2010. С. 5–24] и др.). Именно на Дербине была сделана уникальная антропологическая находка – фрагмент черепа *homo sapiens* с датой $27\,740 \pm 150$ BP (OxA 19850) [Акимова и др., 2002; Бужилова и др., 2009; Akimova et al., 2010].

Опыт работы последних десятилетий позволяет видеть специфические проблемы палеолитоведения в зоне Красноярского водохранилища, связанные, в первую очередь, с неостановимым разрушением вмещающих толщ и, соответственно, с необходимостью анализировать в большинстве своем подъемные сборы с размываемых береговых отмелей.

С одной стороны, скептическое отношение к интерпретационным возможностям подъемных материалов, даже в ситуациях размыва культурных слоев, выходящих на поверхность береговой отмели, вынуждает проходить мимо очевидных явлений и фак-

тов. Сам термин «подъемные сборы» становится клеймом, несмотря на конкретные условия получения материалов. Обратной стороной является игнорирование в практической деятельности специфики подъемных сборов, в результате чего создается представление о памятниках с очень разнородным инвентарем, практически выпадающих из какого-либо единого «образа». Во многих случаях эта ситуация уже недоступна проверке. Так, вероятнее всего, двухслойным (многослойным?) памятником является Тарачиха, где присутствуют материалы, традиционно относимые к «ранней» и «средней» стадиям позднего палеолита. Нередко подъемные сборы с разрушенных объектов финальнокаргинского времени принимались (и принимаются) за позднесартанские (кокоревская культура) в связи с внешним типологическим сходством (остроконечники, скребки, нуклеусы для крупных пластин). Это не приводило к глобальным выводам, но на «бытовом уровне» воспринималось именно как плотная заселенность в сартанское время на фоне единичных каргинских объектов. Подобные сборы известны, в частности, на Куртаке и Приморске.

Корреляция подъемных сборов с материалами, полученными в результате сравнительно небольших по масштабам раскопок отдельных памятников, сомнительна по результатам. Для подъемных сборов, как правило, количественно более представительных, необходимо учитывать, что соотношение крупных и мелких предметов, орудий, нуклеусов и отходов производства может быть искажено, даже при идеальной методике сборов. Небольшие площади раскопок также не дают сколько-либо объективной картины из-за специфики вскрытого участка.

При затоплении в 1960–70-е гг. уничтожены нижние и средние ярусы енисейских террас, вероятно, заселяемые человеком в более теплые периоды. В результате, в зоне Красноярского водохранилища сегодня, видимо, нет памятников первого сартанского интерстадиала, известно минимум памятников кокоревского времени [Лаухин и др., 2000]. Выпадает целый хронологический пласт, что приводит к разрыву общей картины развития позднепалеолитических индустрий на протяжении сартанского времени.

Наши сегодняшние знания о позднем палеолите Енисея позволяют представить более сложную картину, чем казалось возможным допустить еще 20 лет назад. В позднекаргинское время бассейн Среднего Енисея был заселен анатомически современным человеком без каких-либо проявлений монголоидности и неандерталоидности [Бужилова и др., 2009]. Плотность заселения неопределима, но памятники этого времени найдены по обоим берегам Енисея и его малым притокам. К ним относятся Дербина IV, V, Усть-Малтат I, II, Покровка I, II и другие объекты в Дербинском заливе, Каштанка III–IV в окрестностях Куртака, Сабаниха у пос. Первомайское и, видимо, уже уничтоженные местонахождения в окрестностях Приморска. Судя по непаспортизированным сборам, хранящимся в частных коллекциях и местных поселковых и школьных музеях, есть основания считать, что большинство объектов этого времени уже уничтожено и даже примерное их количество оценить невозможно. Вероятно, даже с учетом вариаций, основными признаками для этого почти потерянного пласта являлись овальные и листовидные бифасы, скребловидные, скоблящие и режущие орудия на крупных пластинах, крупные нуклеусы с элементами техники леваллуа, торцовое микрорасщепление на начальной стадии зарождения и развития. Нижняя возрастная граница этих памятников, видимо, не выходит за рамки конощельского времени. Выдвинута гипотеза привнесения верхнепалеолитической традиции на Енисей в усть-каракольском варианте либо развития ее под влиянием индустрий усть-каракольской линии [Стасюк, Акимова, 2008; Харевиц, 2010. С. 20–24; Харевиц и др., 2010]. Единственным памятником этого времени с отщеповой индустрией пока считается Куртак IV [Лисицын, 2000. С. 18–22].

На рубеже сартанского времени произошла смена индустрий: уменьшение размеров пластинчатых заготовок, исчезновение бифасов с одновременным расширением видов ретуши и способов ее нанесения, резким увеличением роли резцов как следствие (или причина) широкого использования бивня мамонта. Природа этого явления пока не объяснена. Индустрии, распространившиеся на Енисее в начале сартанского времени, стали называть «мелкопластинчатыми» [Лисицын, 1996; 2000.

С. 31–44], в отличие от «микропластинчатых» индустрий второй половины сартанского времени. Все памятники этой группы очень разные: с одной стороны, это стоянки типа Афанасьевой горы с одноплощадочными монофронтами и пластинками-вкладышами прямоугольной формы с ретушью по одному краю и обоим концам («афанасьевский тип») и с ретушью только по усеченному концу («лиственский тип»); с другой – стоянки типа Шленки, Приморска и Тарачихи с призматическими нуклеусами и пластинками и ретушью по одному краю, усеченным прямому и диагональному концам («приморский тип») [Акимова, Анненский, 2005; Акимова, 2006; 2010]. Особняком пока стоят Каштанка I и Сажены с датами в пределах 24–22 тыс. лет. По мнению Н. Ф. Лисицына, на рубеже 16–15,5 тыс. л. н. произошло перерождение мелкопластинчатой индустрии в кокоревскую археологическую культуру [2000. С. 109–125]. Этот процесс перехода фиксируют в культурном слое Тарачихи и во 2-м культурном слое Новоселово XIII с соответствующими датами. Таким образом, вся группа памятников зоны Красноярского водохранилища с характерной «мелкопластинчатой индустрией» была отнесена к средней стадии позднего палеолита. Раннесартанские датировки в сочетании с характерным инвентарем хорошо укладывались в представление о граветийском эпизоде в Восточной Европе. Тенденция к уменьшению размеров орудий стала рассматриваться как всеобщая стадия развития позднего палеолита в Евразии.

Проблема, однако, заключается в том, что «мелкопластинчатая традиция» не может быть связанной только со средней стадией позднего палеолита, так как она не прекращается около 15 тыс. л. н., а развивается до конца сартанского периода параллельно кокоревской и афонтовской археологическим культурам. Об этом свидетельствуют стоянки Дербина – Малтата: Конжул и Ближний Лог с датами в пределах 12–9,5 тыс. л. н., но по типологии каменного инвентаря близкие Афанасьевой горе [Акимова и др. 2005; Акимова, 2010]. Было предложено памятники Среднего Енисея, обладающие набором определенных признаков в системе расщепления и каменном инвентаре, датированные в диапазоне 22(20?)–11 тыс. л. н., объединить в рамках одной археологической куль-

туры. Предпочтительное название для нее по праву приоритета – «тарачихская». В ее рамках прослеживаются два неясно очерченных локальных варианта, которые могут быть названы «афанасьевский» (Афанасьева гора, 19-й культурный слой Лиственки, Волчиха, Малтат, нижние культурные слои Конжула, возможно, Трифоновка и 2-й культурный слой Новоселово XIII) и «шленкинский» (Шленка, Приморск, Тарачиха) [Акимова, 2006; 2008]. К первому варианту надо отнести и Ачинскую стоянку. Приток Оби – Чулым, связывающий Среднюю и Западную Сибирь, протекает сегодня всего в 20 км западнее с. Новоселово. Следовательно, появление типично енисейского памятника у Ачинска может быть связано именно с расселением носителей индустрии «мелких пластин» с Енисея вниз по Чулыму [Акимова, 2008].

Таким образом, в сартанское время в позднем палеолите Енисея возникает нестандартная ситуация. В течение 4–5 тыс. лет в долине Енисея существовала общность, характеризующаяся определенной спецификой инвентаря, ориентированная на мамонта как основной объект охоты, выбирающая для расселения пониженные участки местности [Stasuk, Akimova, 2010]. Можно предполагать, что плотность населения в период 20–16 тыс. л. н. была невысокой. Возможно, с этой разобщенностью и связана высокая степень вариабельности каменного инвентаря разных памятников, как предполагал для «мелких пластинчатых индустрий» Западной Сибири В. Н. Зенин [2005. С. 332–354]. На рубеже 16–15 тыс. л. н. произошли существенные изменения, которые нам представляются как «расщепление» тарачихской культуры в дальнейшее ее развитие в двух направлениях: становление кокоревской культуры (если прав Н. Ф. Лисицын) и сохранение мелких форм до конца сартанского времени. При этом если памятники кокоревской культуры располагаются повсеместно вдоль Енисея, то стоянки позднего этапа тарачихской культуры пока известны исключительно в среднем течении малых притоков Енисея. Высказана гипотеза, что во второй половине сартанского времени доминирующее кокоревско-афонтовское население Енисея вытеснило носителей тарачихской культуры в долины мелких притоков. Так, возможно, в условиях определенной изоляции в Дербинском археоло-

гическом районе сформировался своеобразный рефугиум с сохранением традиционных приемов обработки камня, но адаптированных к особенностям местного каменного сырья. Этим, в частности, может объясняться доживание индустрии «мелких пластин» до начала голоцена [Акимова, 2008; Махлаева, 2003]. Возможно, в подобных условиях оказались и носители позднекаргинской индустрии крупных пластин, имеющей на Алтае более древние датировки [Стасюк, Акимова, 2009; Харевич, 2010].

Таким образом, варианты проявлений культур поздней стадии, датированной второй половиной сартанского времени, выходят далеко за рамки традиционной пары «афонтовская-кокоревская», даже учитывая различия внутри обеих групп [Васильев, 1988]. О значительно большем многообразии археологических культур на Среднем Енисее свидетельствуют не только Малтат, Конжул и Ближний Лог, но и Дербина IX, Дербина IVA, Лысый лог I и II в Дербинском заливе, Усть-Ижуйль II и Абрашиха в Ижуйльском заливе и др. За пределами водохранилища в окрестностях Красноярска – это Уртен, Есауловка III, Солонцы, отдельные слои Лиственки [Акимова и др., 2005]. Все эти памятники располагаются по малым притокам Енисея, что предполагает, в частности, использование иных сырьевых ресурсов, кроме галечника прирусловой части Енисея.

С продолжающимся разрушением берегов зоны Красноярского водохранилища тема афонтовской и кокоревской археологических культур стала терять источниковую базу. Сейчас нельзя назвать даже приблизительно количество сохранившихся памятников, поскольку подавляющее большинство подъемных сборов абсолютно недиагностично. Новым «классическим» кокоревским памятником является стоянка Трифоновка, частично раскопанная в 1999 г. и, вероятно, уничтоженная паводками в последующие годы [Томилова и др., 1999]. Более полная картина прослеживается в окрестностях Красноярска, непосредственно севернее Красноярской ГЭС. В группе сохранившихся афонтовских памятников здесь, помимо Афонтовой горы II, все 8 слоев Большой Слизневой, Нанжуль, 4-й культурный слой Лиственки; в кокоревской группе – большинство культурных слоев Лиственки, Военный городок, Коркино, Кубеково,

Усть-Мана [Акимова, 2003]. Просматривается тяготение носителей кокоревской культуры к прирусловой части Енисея, в то время как носители иных индустрий осваивали более широкую территорию, по крайней мере, нижнее и среднее течения малых притоков Енисея. Предложен вариант более позднего заселения кокоревцами долины Енисея и передвижения их вдоль магистрального русла реки [Акимова, 1992. С. 6].

Ко второй половине сартанского времени относятся немногочисленные антропологические находки: нижняя челюсть ребенка из 12Г культурного слоя Лиственки [Акимова, 1998. С. 98–101] и фрагмент лобной кости, найденный на Афонтовой горе II еще в 1937 г. Если дербинский человек конощельского времени является европеоидом без каких-либо признаков неандерталоидности, то у лиственского ребенка эти признаки присутствуют [Шпакова, 1997]. Для афонтовского же человека характерна выраженная монголоидность [Дебец, 1946]. Таким образом, к концу позднего палеолита не складывается даже видимости сколько-либо цельной картины: археологическая пестрота подкрепляется противоречащими друг другу антропологическими материалами.

Перспективы работ на Красноярском водохранилище не определены. Переориентация на хозяйственные работы на Богучанской ГЭС заставила прекратить все работы на Енисее. Однако процесс разрушения берегов здесь неостановим. Вполне реальной представляется перспектива полного уничтожения позднего палеолита Среднего Енисея в зоне Красноярского водохранилища в ближайшие десятилетия.

Список литературы

- Абрамова З. А.* Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск: Наука, 1979а. 175 с.
- Абрамова З. А.* Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск: Наука, 1979б. 200 с.
- Абрамова З. А.* Палеолитическая стоянка Тарачиха на Енисее // КСИА. 1983. Вып. 173. С. 43–50.
- Акимова Е. В.* «Средний этап» позднего палеолита в Приенисейской Сибири // Современные проблемы археологии России. Материалы всероссийского археологического съезда. Новосибирск, 2006. С. 94–96.
- Акимова Е. В.* История антропологической находки со стоянки Лиственка // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 1. С. 98–301.
- Акимова Е. В.* К вопросу об афонтовской и кокоревской культурах в контексте многослойной стоянки Лиственка // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Красноярск: Изд-во «Зодиак», 1992. С. 3–6.
- Акимова Е. В.* Поздний палеолит Красноярского археологического района (XX век: итоги и перспективы) // Древности Приенисейского края. Красноярск, 2003. Вып. 2. С. 5–17.
- Акимова Е. В.* Раннесартанская индустрия мелких пластин в финале позднего палеолита Среднего Енисея: к проблеме формирования археологических рефугиумов // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. СПб., 2008. Т. 1: Археология. Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырье и приемы обработки. С. 37–47.
- Акимова Е. В.* Финальный палеолит залива Малтат (Дербинский археологический район) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 5: Археология и этнография. С. 75–85.
- Акимова Е. В., Анненский Е. С.* Новые данные по археологии позднепалеолитической стоянки Приморской (Красноярское водохранилище) // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия: Сб. докл. Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию С. В. Киселева. Минусинск, 2005. С. 18–21.
- Акимова Е. В., Дроздов Н. И., Чеха В. П., Лаухин С. А., Орлова Л. А., Санько А. Ф., Шпакова Е. А.* Палеолит Енисея. Лиственка. Новосибирск; Красноярск, 2005. 180 с.
- Акимова Е. В., Стасюк И. В.* Изучение позднего палеолита Дербинского залива (Красноярское водохранилище, Сибирь) // Четвертичная геология, георфомология, геоэкология Беларуси и сопредельных территорий. Материалы Междунар. науч. семинара, посвящ. 80-летию со дня рождения Л. Н. Вознячука. Минск. 25–26 сентября 2009 г.) / Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка; под ред. А. Ф. Санько. Минск: Право и экономика, 2009. С. 16–21.
- Акимова Е. В., Стасюк И. В., Мотузко А. Н.* К проблеме изучения «мелкопластинчатых

индустрий» в палеолите Средней Сибири // Социогенез в Северной Азии. Иркутск, 2005. Ч. 1. С. 15–20.

Акимова Е. В., Стасюк И. В., Лаухин С. А., Махлаева Ю. М., Орешников И. А., Назаров Д. В., Гуляев А. А. Изучение палеолита Дербинского залива в 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2002 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. Т. 8. С. 17–21.

Акимова Е. В., Дроздов Н. И., Лаухин С. А., Оводов Н. Д., Томилова Е. А., Стасюк И. В., Чеха В. П. Археологические исследования в Ижуйском заливе // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск, 1996. Вып. 1. С. 47–61.

Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау и Восточный Саян) // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке: Путеводитель экскурсии Международной конференции. Красноярск, 1992. 130 с.

Астахов С. Н. Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой горе в г. Красноярске. СПб.: Европейский дом, 1999. 208 с.

Ауэрбах Н. К. Палеолитическая стоянка Афонтова III // Тр. Об-ва изучения Сибири и ее производительных сил. Новосибирск, 1930. Вып. 7. 59 с.

Ауэрбах Н. К., Громов В. И. Материалы к изучению Бирюсинских стоянок Красноярского округа // Изв. ГАИМК. М.; Л., 1935. Вып. 118. С. 219–245.

Бужилова А. П., Добровольская М. В., Медникова М. Б. Лобная кость homo из верхнепалеолитического местонахождения Покровка II в Сибири // Вестн. Московского университета. Серия 23: Антропология. 2009. № 3. С. 4–13.

Васильев С. А. Локальные культуры и специфика верхнего палеолита Сибири // Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 64–82.

Дебец Г. Ф. Фрагмент лобной кости человека из культурного слоя стоянки Афонтова Гора II под Красноярском // Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода. 1946. № 8. С. 73–77.

Дроздов Н. И., Чеха В. П., Артемьев Е. В., Хазартс П., Орлова Л. А. Четвертичная ис-

тория и археологические памятники Северо-Минусинской впадины. Красноярск, 2000. 77 с.

Зенин В. Н. Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины позднепалеолитическим человеком // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты: Сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 332–354.

Лаухин С. А., Акимова Е. В., Стасюк И. В., Томилова Е. А. К палеоэкологии палеолитических местонахождений Дербинского археологического района // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2000 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. Т. 4. С. 175–178.

Лисицын Н. Ф. Относительная и абсолютная хронология позднего палеолита юга Средней Сибири. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1997. 120 с.

Лисицын Н. Ф. Поздний палеолит Чулым-Енисейского междуречья. // Тр. ИИМК РАН. СПб., 2000. Т. 2. 230 с.

Лисицын Н. Ф. Средний этап позднего палеолита Сибири // РА. 1996. № 4. С. 5–17.

Махлаева Ю. М. Источники каменного сырья в палеолите Дербинского залива (Красноярское водохранилище) // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем, Омск, 2003. С. 119–120.

Рыгдылон Э. Р. Новые следы поселений каменного века в бассейне Среднего Енисея // МИА. 1953. № 39. С. 276–285.

Сосновский Г. П. Новые стоянки палеолитического периода в окрестностях г. Красноярска // Зап. Иркутского научного музея. 1924. Вып. 1. С. 3–11.

Сосновский Г. П. Палеолитические стоянки Северной Азии // Тр. II Междунар. конф. АИЧПЕ. Л.; М.; Новосибирск, 1934. Вып. 5. С. 246–304.

Сосновский Г. П. Позднепалеолитические стоянки Енисейской долины // Палеолит СССР. Изв. ГАИМК. М.; Л., 1935. Вып. 118. С. 152–218.

Стасюк И. В., Акимова Е. В., Томилова Е. А., Лаухин С. А., Санько А. Ф., Тихомиров М. Ю., Махлаева Ю. М. Палеолитические местонахождения Дербинского археологического района (Красноярское водохранилище) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2002. Вып. 4, № 4. С. 3–16.

Стасюк И. В., Акимова Е. В. Ранние комплексы позднего палеолита Дербинского археологического района (Средняя Сибирь, Красноярское водохранилище) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 1. С. 161–166.

Стасюк И. В., Томилова Е. А. Некоторые итоги изучения Каштанковского археологического участка // 275 лет сибирской археологии (тезисы РАЭСК). Красноярск, 1997. С. 12–13.

Томилова Е. А., Стасюк И. В., Акимова Е. В. Раскопки позднепалеолитической стоянки Трифоновка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 1999 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. Т. 5. С. 203–204.

Харевич В. М. Начальная стадия верхнего палеолита Среднего Енисея: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2010. 25 с.

Харевич В. М., Акимова Е. В., Стасюк И. В. Каменная индустрия позднепалеолитического местонахождения Дербина V (Красноярское водохранилище) // Вестн. Ново-

сиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 5: Археология и этнография. С. 86–96.

Шнакова Е. Г. Одонтологический материал верхнепалеолитической стоянки Лиственка (Красноярский край) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 1997 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. Т. 3. С. 132–137.

Akimova E., Higham T., Stasyk I., Buzhilova A., Dobrovolskaya M., Mednikova M. A. New Direct Radiocarbon AMS Date for an upper Palaeolithic Human Bone from Siberia // DOI: 10.1111/j.1475-4754.2010.00532.x University of Oxford, 2010, Archaeometry, 2010.

Stasyk I., Akimova E. «Small Plate Industry» Site Disposition Regularities in Krasnoyarsk Reservoir Area // The XII International Symposium «Suunggae and Her Neighbours. Prehistoric Migration in Eurasia and America». Krasnoyarsk, 2010. P. 196–198.

Материал поступил в редколлегию 10.05.2011

E. V. Akimova

LATE PALEOLITHIC KRASNOYARSK RESERVOIR

The article summarizes the results of the Upper Paleolithic study of the Krasnoyarsk reservoir zone for 150 years, offers a new perspective for this period in the history of the region taking into account the multi-variant of the Paleolithic industries in different paleoecological conditions. In the late Paleolithic zone of the Krasnoyarsk reservoir the archaeological sites of the early stage (Ust-Karakol development line), the middle stage – with the industry of small plates (the early stage of the Tarachiha culture) and the late stage, which is a mixture of different directions: flakes (Afontova culture), large lameflaked (Kokorevo culture), small lameflaked (late stage of the Tarachiha culture), and others are traced. It is difficult to diagnose the variants of industries. The variety of archaeological and anthropological findings is confirmed.

Keywords: Late Paleolithic, the Middle Yenisei Sartanian cooling, archaeological culture, the industry of «small plates», anthropology.